

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 93(57)/ 94(47) "1918/22"

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ БУРЖУАЗИИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В 1918–1922 ГОДЫ¹

В. М. Рынков

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Россия

В статье рассмотрена социальная мобильность российской буржуазии в восточных регионах России (Урал, Сибирь и Дальний Восток) в период Гражданской войны и начальной фазы НЭПа. При антибольшевистских правительствах крупная буржуазия пыталась отстоять приоритетное право на торгово-промышленную деятельность. На протяжении 1918–1922 гг. наиболее значимым направлением социальной мобильности этой категории населения стал переход на положение служащих или вынужденная эмиграция. Состав мелких предпринимателей пополнялся за счет служащих, рабочих и крестьян, занявшихся спекуляцией. Они же составили основу советских нэпманов. В начале 1920-х гг. влияние нэпманов на экономику и доля в их среде дореволюционных торгово-промышленников на Дальнем Востоке была выше, чем на Урале и в Сибири.

Ключевые слова: буржуазия, классы, социальная мобильность, революция 1917 г., Гражданская война, Урал, Сибирь, Дальний Восток.

Революция 1917 г. и Гражданская война открыли в истории России полосу повышенной социальной мобильности. В плавильном котле исторической катастрофы сгорали целые классы старого общества и начинали выковываться новые общности. Сознательная политика победителей революции – большевиков – по ликвидации бывших эксплуататорских классов далеко не полностью определяла социальные процессы. Во многом её корректировала способность населения приспосабливаться к обстоятельствам.

Среди различных групп «бывших», сословных или профессиональных, только буржуазия обладала признаками класса. С точки зрения большевиков все эксплуататоры подлежали бескомпромиссной ликвидации уже на первом этапе строительства социалистического общества. Но на завершающей стадии Гражданской войны возникла необходимость отступить от намеченного плана и в рамках НЭПа предусмотреть переходный период. Признав предпринимательство в качестве вполне легального вида деятельности, советская власть допустила существование буржуазии в виде нэпманов. Это создавало возможность частичной и временной её интеграции в советское общество, существенно усиливало вариативность способов вы-

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

живания и переживания революционных бурь. На окраинах развалившейся под ударами революции Российской империи социальная динамика ещё более осложнялась временным существованием антибольшевистских правительств и частичным восстановлением при них собственнических отношений. Именно по этой причине особенности социальной мобильности буржуазии заслуживают самого пристального внимания, а восточные регионы России – крупнейший плацдарм контрреволюции – избраны в качестве территориальных рамок исследования.

Термин «буржуазия» трактуется автором статьи в его классовом значении. Под ней подразумевается группа собственников, которые владели средствами производства или капиталами, выступали организаторами производства и обмена с использованием наёмного труда и извлекали при этом доход, являвшийся основным источником их существования. В стабильном капиталистическом обществе буржуазия относится к экономической элите, уровнем благосостояния заметно возвышающейся над основной массой населения. Следовательно, речь пойдёт о достаточно узкой прослойке людей, которая в дореволюционной России именовалась обычно торгово-промышленным классом, а в современной терминологии их принято называть предпринимателями. Оговоримся, что провести чёткие границы, отделяющие класс буржуазии от остального общества, невозможно. Недаром, в отличие от сословных групп, легко исчисляемых, количественные характеристики буржуазии в историографии приводятся очень отрывочно и приблизительно либо не приводятся вовсе. У любого класса существует ядро и периферия, т. е. круг лиц, обладающих переходными для данного класса признаками. Пограничными характеристиками обладает мелкая буржуазия, которую марксизм трактует как слой мелких собственников, живущих преимущественно личным трудом. Но в данном случае теряется важнейший признак, сближающий таких людей с буржуазным классом, – получение прибыли за счёт ренты либо эксплуатации чужого труда. Лишь часть мелких собственников, доходы которых существенно превышали средние, а общественное положение можно трактовать как обладание властью и влиянием (например, над несколькими наемными рабочими), могут быть отнесены к классу буржуазии.

Как ни парадоксально, истории буржуазии в революционной и послереволюционной России посвящено немного научной литературы, а то, что имеется, отражает преимущественно ее общественно-политическую жизнь². Как социальная группа революционного и постреволюционного общества она изучена крайне слабо. Обособленно от этой темы и достаточно активно в советской и постсоветской историографии изучались нэпманы, в том числе и степень генетической связи этой группы советского общества с торгово-промышленниками царской России. Сибирская историо-

² Шаццлло М. К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917– начало 1920-х годов. М., 2008.

Shatsillo M. K., *Rossiskaya burzhuzia v period Grazhdanskoy voyny i pervye gody emigratsii. 1917 – nachalo 1920-h godov*, М., 2008.

графия дореволюционной буржуазии и предпринимателей эпохи НЭПа разработана значительно лучше, чем уральская и дальневосточная.

Считается, что перед революцией в России к буржуазии относилось около одного миллиона человек. Но даже такие приблизительные расчёты для азиатской России выполнены только на сибирском материале. Г. Х. Рабинович полагал, что в состав гильдейского купечества Сибири в начале XX в. входило около 1300–1400 чел. и 5–7 тыс. чел. вместе с членами семей, что составляло 4–5 % всей российской крупной буржуазии. При этом он исходил из того, что за редким исключением корпус гильдейского купечества был идентичен крупной буржуазии. 69 % из них являлись коренными сибиряками и 29 % – выходцами из европейской части России, лишь четверть относились к потомственным купцам, ещё четверть шагнули в состав крупной буржуазии из крестьян, а 40 % – из мещан. Следовательно, предреволюционное поколение крупной сибирской буржуазии являлось высококомобильным классом, с преимущественно восходящей мобильностью. Есть ещё примечательная подробность – среди выходцев из европейской части России 37 % имели происхождение из дворян или чиновников, тогда как среди коренных сибиряков таковых насчитывалось только 4 %³. В рядах пришедшей буржуазии высока была доля тех, кто двигался по горизонтальным каналам социальной мобильности, меняя одно привилегированное положение на другое, но более материально выигрышное и соответствующее их социальной идентичности.

И. Г. Мосина реконструировала численность крупной и средней буржуазии в городах тремя корректирующими друг друга способами. Плательщиков налогов с городской недвижимости свыше 1 тыс. руб. она отнесла к крупной буржуазии, а от 100 руб. до 1 тыс. руб. – к средней. Эту гипотезу она сверила по численности лиц, выбиравших различные торговые свидетельства, и избирателей в Государственную думу и городские общественные управления. По её данным, в Сибири насчитывалось 2,2 тыс. представителей крупной буржуазии, а с членами семей – 5–7 тыс. Если считать вместе крупную и среднюю буржуазию, то её численность составляла около 20 тыс. чел., а с членами семей – 55–60 тыс. чел. Анализ структуры кредитов Государственного банка в 1912 г. позволил И. Г. Мосиной утверждать, что в числе активных сибирских предпринимателей 85 % относились к торговому классу, 15 % – к промышленникам. Причём наибольший удельный вес торговцев кредитовался в Тобольском (91 %) и Петропавловском (96 %) отделениях банка⁴.

³ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири в конце XIX – начале XX века. Томск, 1975. С. 50, 54.

Rabinovich G. Kh., *Krupnaya burzhuzia i monopolisticheskiy kapital v ekonomike Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka*, Tomsk, 1975, S. 50, 54.

⁴ Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. С. 37–39.

Mosina I. G., *Formirovanie burzhuzii v politicheskuyu silu*, Tomsk, 1978, S. 37–39.

Уральская буржуазия была представлена преимущественно торговым капиталом. На частных заводах происходило акционирование, при этом значительная часть собственности переходила в распоряжение столичных банков. Вместе с тем на Урале оставалась немногочисленная группа крупных промышленников. На Дальнем Востоке буржуазия переживала период становления и бурного роста. Среди торговцев значительное место занимали иностранцы. Никаких количественных характеристик буржуазии сопредельных с Сибирью территорий в историографии не встречается.

Наиболее активная часть российских торгово-промышленников консолидировалась вокруг ряда представительских организаций. Для торгового крыла такими организациями выступали биржевые общества, для промышленного – отраслевые советы съездов. Перед войной в России действовало 93 биржи, 5 из которых на Урале, в Сибири – 10, на Дальнем Востоке – 4. На Урале с 1880-х гг. функционировали съезды горнопромышленников, золото- и платинопромышленников. В Сибири и на Дальнем Востоке в горных округах действовали съезды золото-, горно- и углепромышленников, проводились съезды мукомольной, винокуренной и рыбной промышленности. В 1915 г. появились военно-промышленные комитеты, объединившие мелкие и средние промышленные предприятия для выполнения военных заказов. На Урале образовалось 6 областных и 11 районных комитетов, ведавших работой 80 крупных и около тысячи средних и мелких предприятий; в Сибири 6 областных и 28 уездных комитетов организовали работу примерно 300 предприятий, на Дальнем Востоке и в полосе отчуждения КВЖД имелось 6 таких комитетов⁵.

Февральская революция стала шоком для всех отрядов российской буржуазии. Она принесла ей острое осознание классовой идентичности, необходимости консолидироваться и защитить свои материальные интересы от бурно расцветавшего эгалитаризма масс. Активность предпринимательских организаций была через край. Буржуазия стремилась закрепить за собою представительство во всех порождённых революцией структурах власти и управления. Но куда заметнее становился и противоположный процесс, начинавшийся со стыдливого упрятывания и продолжившийся реальной утратой своих классовых признаков («разбуржуазивания»). Все, кто ранее принадлежал к «цензовым элементам», обладал правом участия в выборах в Государственную думу или органы местного самоуправления по курии собственников, ставились в положение противников народа. Слово «буржуй» превратилось в ругательство. Обозначив им собирательный образ всех «социально чуждых», враждебных революции, народная молва

⁵ Епифанова Л. Е. Представительство интересов: биржевые общества и комитеты // История предпринимательства в России. М., 1999. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX в. С. 331; Жук А. В. Золотой эшелон обороны // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 167; Мосина И. Г. Указ соч. С. 103–112.

Epifanova L. E., *Predstavitelstvo interesov: birzhevyye obshchestva i komitety*, Istorija predprinimatelstva v Rossii, M., 1999, Kn. 2, Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v., S. 331; Zhuk F. D., *Zolotoi eshelon oborony*, Ural indetrialnyi. Bakuninskie chtenia, Ekaterinburg, T. 1, S. 167; Mosina I. G., *Op. cit.*, S. 103–112.

маркировала так эсклюзию влиятельнейшего в прошлом класса общества из политического процесса. Одно это наглядно свидетельствует о стремительном падении статусных характеристик буржуазии.

Ещё важнее непрерывное ухудшение её материального положения. Всплеск забастовочного движения весной и осенью 1917 г., впечатляющий рост заработной платы на фоне постоянно сокращавшейся производительности труда, грубое вмешательство в управление частной собственностью коллективов рабочих и служащих, усугублявшееся ещё и вымогательством на содержание так называемых демократических организаций⁶, – всё это быстро привело к массовому разорению владельцев как крупных промышленных производств, так и небольших предприятий городской инфраструктуры⁷. Менее остро стоял рабочий вопрос на торговых предприятиях. Но работа значительной их части с лета 1917 г. еле теплилась. В результате всеобщего дефицита и транспортного кризиса торговать стало просто нечем. В большинстве провинциальных городов действовали порождённые местной революционной властью комиссии (нормировочные, учётные, регистрационные, по борьбе со спекуляцией и иные), призванные регулировать потребительский рынок, но буквально терроризировавшие торговцев.

Установление советской власти, растянувшееся в провинции на несколько месяцев, обернулось расширением конфискационно-реквизиционной практики. К лету 1918 г. картина полного замирания торгово-промышленной жизни была всеобщей⁸. В период «красногвардейской атаки на капитал» наступление на имущие слои общества, при всей бессистемности его отдельных проявлений, было комплексным и садистски изощрённым. Теоретически обоснованная классовая целесообразность при этом тесно соседствовала с социальным возмездием за «столетия угнетения» и стремлением экспроприаторов к личной выгоде. К лету 1918 г. большинство мелких и средних предприятий ещё оставалось формально частными, но почти в каждом из них производились изъятия средств производства и имущества. В процессе муниципализации жилья и политики

⁶ См.: Рукосуев Е. Ю. Екатеринбургское бюро Совета съездов горнопромышленников Урала в 1917–1919 годах // Вестник Пермского университета. 2014. Сер.: История. Вып. 4 (27). С. 88.

Rukosuev E. U., *Ekaterinburgskoye byuro Soveta syezdov gornopromyshlennikov Urala v 1917–1919 godah*, Vestnik Permskogo universiteta, 2014, Seriya Istoria, Vyp. 4 (27), S. 88.

⁷ Греницкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков, 1919. С. 54–57, 62–64; Рабочий класс Урала. Свердловск, 1927. Т. 2: 1917 (февраль – октябрь). С. 188–197; Очерк истории профессионального движения служащих Сибири. 1917–1920 // Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 38. Л. 27–32.

Grenevitskiy V. I. *Poslevoennyye perspektivy russkoy promishlennosti*, Kharkov, 1919, P. 54–57, 62–64; *Rabochiy Klass Urala*, Vol 2: 1917 (fevral – oktyabr), Sverdlovsk, 1927, S. 188–197; *Ocherk istorii professionalnogo dvizhenia sluzhashchikh Sibiri*, State Archive of Novosibirsk Region (GANO), F. D-149; Op. 1, D. 39, L. 27–32.

⁸ Уфимский тогово-промышленный вестник. 1918. № 21. С. 3.

Ufimskiy torgovo-promyshlenniy vestnik, 1918, № 21. S. 31.

уплотнения домовладельцы лишились практически всех сдаваемых ранее в аренду жилых и торговых площадей и, чаще всего, потеснились в собственном жилье, разделив его с навязанными квартирантами, лишившись также значительной части домашней обстановки. Одним из основных источников денежных поступлений в кассы местных советских органов власти в 1918 г. стали контрибуции. Объектом обложения выступал «торгово-промышленный класс», «буржуазия», «барахольщики, латошечники, лавочники»⁹. Извлечение денег сопровождалось заключением «саботажников» в каталажку, заложничеством и даже расстрелами.

Масштабы произведённого большевиками разорения стали понятны уже после свержения советской власти, когда, получив раскладку налогов на 1918 г., предприниматели в массовом порядке опротестовывали её. В качестве обоснования они обычно указывали две основные причины: предприятия за период обложения успевали закрыться или приостановили работу, а для немногих работавших прибыль оказалась сильно преувеличена. Чаще всего владелец сводил свой бюджет дефицитом. В последнем случае налогоплательщики отмечали неимоверно возросшие накладные расходы и ухудшившиеся условия торговли¹⁰.

Трудно догадаться, что имел в виду М. К. Шацилло, утверждая, что «вплоть до осени 1918 г. предприниматели, за редким исключением, не покидали мест постоянного проживания и вели, насколько это было возможно, прежний образ жизни»¹¹. Жизнь даже наиболее удачливых из них не имела ни тени прежнего комфорта. Причём «хождения по мукам» начались у многих задолго до октября 1917 г. и каждый месяц оказывался ужаснее предыдущего¹².

В этих обстоятельствах торгово-промышленный класс стал походить на тонущий корабль, бегство с которого выражалось в поиске нового поприща. На протяжении Гражданской войны наибольшее распростране-

⁹ Хазиев Р. А. Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах: хаос, контроль и стихия рынка. М., 2007. С. 140–141.

Khaziev R. A., *Tsentrālizovannoye upravlenie ekonomikoy na Urale v 1917–1921 godah: khaos, control i stikhiya rynka*. М., 2007, S. 140–141.

¹⁰ Русская речь. Новониколаевск, 1919. 20 сент.; Свободный край. Иркутск, 1919. 8 авг.; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 82. Л. 84–86об.; Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1953. Оп. 2. Д. 63. Л. 14, 25–26; Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 200. Оп. 1. Д. 249. Л. 57–57об, 72.

Russkaya rech, Novonikolaevsk, 1919, 20 sent.; Svobodniy kray, Irkutsk, 1919, 8 avgusta; State Archive of the Russian Federation (GARF), F. R-190, Op. 1, D. 63, L. 84–86ob; State Archive of Sverdlovsk Region (GASO), F. R-1953, Op. 2, D. 63, L. 14, 25–26; State Archive of Tomsk Region (GATO), F. 200, Op. 1, D. 249, L. 57–57ob, 72.

¹¹ Шацилло К. Ф. Указ соч. С. 11.

Shatsillo M. K., *Op. cit.*, S. 11.

¹² Неклютин К. Н. От Самары до Сизьтла. Воспоминания. Самара, 2011. С. 86–105; Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922) М., 1998. С. 71–84, 112–149.

Neklutin K. N., *Ot Samary do Sietlla. Vospominania*, Samara, 2011. S. 86–105; Anichkov V. P. *Ekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)*, М., 1998, S. 71–84, 112–149.

ние получили две социальные тактики, подчас перемежавшиеся. Первая выражалась в бегстве, сначала временном, в более спокойные места своего отечества, главным образом все дальше на восток. Потом она стала основной массовой эмиграции. Вторая находила более широких adeptов. Для городской буржуазии типичным стал переход в прослойку служащих. Когда собственное дело перестало кормить, денежные накопления стремительно обесценивались, а материальные блага подверглись реквизициям и конфискациям, многие сочли за благо найти службу в государственных, кооперативных или частных учреждениях. Такую возможность обеспечивало хорошее образование и солидный опыт коммерческой деятельности. В 1917 – начале 1918 г. начался массовый исход деревенских «купцов-мироедов» в кооперативы на должности артельщиков. Разорившись не от собственной несостоятельности, а в результате ухудшения экономической конъюнктуры, они находили успешное применение своим навыкам, часто продолжая уже на службе вести дела с выгодой для себя¹³.

При советской власти буржуазия утратила лидирующие позиции в выражении собственных классовых интересов, уступив их служащим, высший слой которых, впрочем, тесно переплетался с предпринимательскими кругами социальными связями и имел близкое мировоззрение. Именно служащие во многих крупных городах выступили инициаторами сопротивления экономическим мероприятиям Советов, проведя серию забастовок против грубого вмешательства в отношения собственности¹⁴. Действия предпринимателей сводились в основном к нежеланию соучаствовать в экспроприации своего же имущества, что на революционном языке называлось саботажем. Отдельные группы промышленников пытались занять более гибкую позицию, вступив в переговоры с советскими руководителями об условиях, на которых новая власть согласилась бы сохранить их в статусе собственников и управляющих своими предприятиями. Примеры сотрудничества столичных предпринимателей с советскими хозяйственными структурами хорошо известны¹⁵. Местные власти, склонные к импровизациям, давали ещё более широкий спектр вариантов такого взаимодействия, впрочем, как правило, завершавшихся неудачно¹⁶. На Урале

¹³ Кооперативное дело. Иркутск, 1919. № 7. С. 38.

Кооперативное дело, Иркутск, 1919, № 7, С. 38.

¹⁴ Известия Иркутского отдела Московского народного банка. 1918. № 1. С. 105–106; Известия Самарского стачечного комитета. 1918. 18 янв. Семенченко И. В. Земство на Южном Урале в 1917–1918 гг. Челябинск, 2005. С. 57.

Izvestia Irkutskogo otdela Moskovskogo narodnogo banka, 1918, № 1, S. 105–106; Izvestia Samarskogo stachechnogo komiteta, 1918, 18 yanvaryaya; Semenchenko I. V., *Zemstvo na Uzhnom Urале v 1917–1918 gg.*, Cheliabinsk, 2005, S. 57.

¹⁵ Шаццлло М. К. Указ соч. С. 24–28.

Shatsillo M. K., *Op. cit.*, S. 24–28.

¹⁶ Дробченко В. А. Кузбасс в вихре революций: общественно-политическая жизнь края в марте 1917 – мае 1918 г. Томск, 2008. С. 299.

Drobchenko V. A., *Kuzbass v vikhre revolyutsiy: obshchestvenno-politicheskaya zhizn kraya v marte 1917 – maye 1918*, Tomsk, 2008, S. 299.

некоторые правления частных горных округов в начале 1918 г. наладили сотрудничество с заводскими коллективами и через их посредничество получили солидные кредиты и карт-бланш на поддержание или даже развитие производства¹⁷. Но в целом эти маневры только несколько отдалляли повальную национализацию горных и горнозаводских предприятий.

С лета 1918 г. территория от Поволжья до Дальнего Востока оказалась под контролем антибольшевистских правительств. Развернувшееся здесь во второй половине 1918 – начале 1919 г. восстановление прав собственников затронуло лишь отдельные отряды предпринимателей. Вновь обрели права на своё имущество или то, что от него осталось, представители торговой буржуазии, домовладельцы, хозяева небольших предприятий (мельниц, парикмахерских, бань и т. п.). Частично свои средства вернули владельцы банковских счетов и ценных бумаг. Зато хозяевам крупных национализированных производств оказалось очень не просто вернуть собственность. Их правления обычно находились в Петрограде и Москве, владельцы выехали за рубеж или остались в Советской России. Реже собственник был досягаем, но, разорившись, чаще всего не имел возможности обеспечить возобновление работы своих предприятий. Поэтому почти все крупные промышленные объекты остались в государственном управлении. Что касается предпринимателей-агров, то некоторым удалось вернуть свои хозяйства, но случаев успешного возобновления работы не было.

Надежды на скорую повсеместную победу над большевиками в соединении с кардинальной реструктуризацией рынков породили в Сибири и на Дальнем Востоке даже кратковременную эпоху грюндерства. Отдельные укrywшиеся от большевиков богатеи поспешили основать новые фирмы, объявляя учредительные капиталы по миллиону рублей на троих – четверых учредителей¹⁸. Месяцы советской власти проредили, но не исчерпали накопленные буржуазией капиталы, которые были поспешно вложены в сферу торговли и даже производства остродефицитных товаров. Массово бежавшая в Сибирь осенью 1918 г. поволжская буржуазия проявила редкую для россиян, буквально диаспоральную взаимовыручку. На основе прежних местечковых социальных связей сколачивались товарищества, направлениями деятельности соответствовавшие прежним сферам специализации её членов и легко получавшие кредиты от земляков, управлявших эвакуированными отделениями банков¹⁹.

Значительная часть средней и мелкой буржуазии и некоторые крупные предприниматели получили возможность вернуться к привычной социальной роли. Условия для новой волны классовой мобилизации облегчила относительная свобода, предоставленная властью торго-

¹⁷ Хазиев Р. А. Указ соч. С. 44–45.

Khaziev R. A., *Op. cit.*, P. 44–45.

¹⁸ Промышленность Западной Сибири. Омск, 1918. № 6. С. 32.

Promishlennost Zapadnoy Sibiri, Omsk, 1918, № 6, S. 32.

¹⁹ Аничков В. П. Указ соч. С. 103.

Anichkov V. P., *Op. cit.*, S. 103

промышленным организациям. После антибольшевистского переворота они переживали новый подъём, консолидировав буржуазию для отстаивания своих прав на возвращение собственности, формулирования претензий на компенсацию потерь от большевистских экспериментов, лоббирования интересов предпринимательской деятельности²⁰. С этими целями прошла серия съездов и конференций губернского/областного и регионального уровня, были проведены реорганизации регионального и общероссийского уровня. Бюро совета съездов горнопромышленников Урала, в прошлом являвшееся представительством столичной организации, обрело самостоятельность и стало рупором уральской промышленной буржуазии. Совет съездов промышленности и торговли Сибири окупился в пучину бурной омской политической жизни летом и осенью 1918 г. В Омске в октябре возник Всероссийский совет съездов торговли и промышленности, в структуре которого действовало 11 отраслевых бюро, активно консолидировавших предпринимателей. Омский военно-промышленный комитет принял на себя роль центрального и способствовал быстрому восстановлению работы этих организаций и даже созданию новых.

Все эти организации объединяли прежних торгово-промышленников, игнорируя новоиспеченных дельцов. Поток вхождений в слой мелкой и средней буржуазии, начавшийся ещё при советской власти, заметно интенсифицировался. Как верно заметил С. Шерман, «для преступного обмена похищенного у государства товара на запрещённый к продаже хлеб на подпольном рынке совершенно не годился прежний торговый люд. Происходит массовая, чисто стихийная мобилизация новых элементов, обслуживающих торговлю»²¹. Они рекрутировались из дезертиров, учеников закрытых духовных семинарий, крестьян потребляющих губерний, жителей городских предместий, молодых рабочих и интеллигентов, потерявших иные способы заработка. Одним из важнейших маршрутов классического хлебного мешочничества в 1918 г. стал юг Западной Сибири. Выходцы из разных слоев населения европейской части России и Урала устремились сюда. После падения советской власти развились гужевые и нелегальные железнодорожные перевозки продовольствия из Сибири на Урал. Но основная волна спекулянтов, в том числе и вчерашних мешочников, направилась на восток за промышленными товарами, в изобилии и по низким ценам, имевшимися в Иркутске, Харбине, Владивостоке. Среди мелких торговцев широко развивается складчина для посылки «гонцов» за товарами, открываются более широкие возможности для накоплений.

²⁰ Уфимский торгово-промышленный вестник (Уфа). 1918. № 22. С. 5–6.

Ufimskiy torgovo-promishlenniy vestnik, 1918, № 22, S. 5–6.

²¹ Шерман С. Внутренний рынок и торговый быт советской России. Подпольный рынок и преступная торговля от ноября 1918 по март 1921 г. // НЭП: взгляд со стороны / сост. В. В. Кудрявцев. М., 1991. С. 143.

Sherman S., *Vnutrenniy rynek i torgovyi byt sovetskoy Rossii. Podpolnyi rynek i prestupnaya torgovlya ot noyabrya 1918 po 1921 g.*, NEP: vzglyad so storony, sost. V. V. Kudryavtsev, M., 1991, S. 143.

Экономическая ситуация распахнула шлюзы для развития новых видов эрзац-предпринимательства. Ещё с 1916 г. в Сибирь направились сотни представителей продовольственных организаций с целью дешевой оптовой скупки продовольствия, а в 1917 г. к ним добавились уполномоченные кооперативов, крупных промышленных предприятий, продовольственных отделов советов. Предприятия и учреждения Урала и Сибири направляли доверенных лиц за товарами на Дальний Восток. Многие в условиях раздробленности страны и роста цен стремились затеряться и «прокрутить» полученные средства. Общественные деньги питали крупную спекулятивную торговлю.

Торгово-промышленники поспешили выстроить заслоны для предпринимательской деятельности выходцев из других групп населения, накопивших средства на спекулятивных операциях. Требование допускать к торговле основными продовольственными товарами только по удостоверениям биржевых комитетов, принимать к перевозке по железнодорожным и водным путям сообщения только частные грузы, направленные в адреса ограниченного перечня предпринимательских организаций, являлись барьерами, ограничивавшими входящую мобильность торгово-промышленного класса. Консолидации и замкнутости предпринимателей, их более четкому структурированию призваны были способствовать торгово-промышленные палаты, закон о которых, принятый Временным правительством 6 октября 1917 г., так и не вступил в силу. В ответ на многочисленные запросы с мест Российское правительство адмирала А. В. Колчака 23 марта 1919 г. приняло положение о Временных торгово-промышленных палатах, предполагавшее организацию всех предпринимателей по единым территориально-отраслевым принципам²².

Вопреки ожиданиям буржуазии, существенного влияния на общественную и хозяйственную жизнь Временные торгово-промышленные палаты сыграть не смогли – слишком коротким было их существование. Впрочем, были совершенно уникальные исключения. Читинская торгово-промышленная палата с декабря 1919 г. до осени 1920 г. играла роль официального представительного органа торгово-промышленного класса Восточного Забайкалья, пыталась активно влиять на экономическую политику Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами Восточной окраины России атамана Г. М. Семенова²³. В Дальневосточной республике она стала институтом, посредством которого «старая» буржуазия пыталась ужиться с мягким вариантом большевистской политики. В обмен на организацию поставок для армии и государства палата получила право обеспечивать ведение дел своим членам, обрекая на полное бесправие оставшихся

²² Правительственный вестник. Омск, 1919. 7 сент.

Pravitelstvennyi vestnik, Omsk, 1919, 7 sentyabrya.

²³ Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. 353. Оп. 1. Д. 3. Л. 166.

State Archive of Zabaikal Rigion (GAZK), F. 353, Op. 1, D. 3, L. 166.

вне ее пределов спекулянтов²⁴. Приморская торгово-промышленная палата стала рупором дальневосточной буржуазии в отношениях со всеми политическими режимами, чередовавшимися в Приморье на протяжении 1920–1922 гг. Она объединила вокруг себя тех торгово-промышленников, кто решил продолжить свою деятельность в советском Приморье, впрочем вылившуюся в тщетные попытки спастись от полного целенаправленного разорения властью²⁵.

Установление советской власти на Урале и в Сибири вызвало массовый исход буржуазии в еще не подконтрольное большевикам Приморье и Северный Китай. Здесь к началу 1920 г. скопилось огромное количество потерянных или невостреванных грузов. Они принадлежали частным фирмам, в том числе российским и сибирским, кооперативным объединениям и государству. Реальные и мнимые правопреемники основывали различные предприятия, иногда конкурировавшие друг с другом за права на распоряжение хранящихся на складах и в вагонах товаров. Расходование этих запасов путем перепродажи становилось источником поддержания жизнедеятельности, а нередко и обогащения узких групп коммерсантов, подтолкнуло в сферу предпринимательства бывших кооператоров и государственных служащих.

Правительства Приморья, многократно сменявшие друг друга на протяжении 1920–1922 гг., несмотря на разный идеологический облик, содержали государственный аппарат за счёт распродажи казённых, бесхозных или объявленных бесхозными грузов Владивостокского порта и таможни. При частном посредничестве потребительские товары реализовывались населению Дальнего Востока и Северного Китая, а оборудование и сырьё для промышленности перепродавались в Японию и Китай. Все эти операции позволили торговым кругам сохранить и приумножить свои капиталы в связи с участием в спекулятивных сделках с государством. В Харбине только в 1922 г. появилось 143 новые российские фирмы, а расцвет экономики города обеспечил приток капиталов, вывезенных российскими эмигрантами²⁶. Но удержались на плаву немногие. Большинство российских предпринимателей растворилось в эмигрантской массе, обречённой на полунищенское прозябание. Они деклассировались и по мере адаптации переходили в разряд мелких служащих или разнорабочих, пополняя городские низы.

²⁴ Обзор деятельности Читинской торгово-промышленной палаты за 1921 г. // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГАДВ). Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 26. Л. 2–25.

Obzor deyatelnosti Chitinskoy trgovno-promyshlennoy palaty za 1921 g., Russian State Historical Archive of Far East (RGADV), F. R-18, Op. 1, D. 26, L. 2–25.

²⁵ Там же. Д. 53. Л. 11–12.; Д. 58. Л. 5–6.

Ibid, D. 53, L. 11–12; D. 58, L. 5–6.

²⁶ Василенко Н. А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток, 2003. С. 95–96.

Vasilenko N. A., *Istoria rossiyskoy emigratsii v osveshchenii sovremennoy kitayskoy istoriografii*. Vladivostok, 2003. S. 95–96.

Преобладающая часть мелкой и средней буржуазии осталась в Советской России или вернулась туда после кратковременного бегства. Непродолжительный военно-коммунистический вариант развития Урала и Сибири с его трудовыми мобилизациями давал крайне ограниченные возможности для социального маневра. Одной из них стало устройство бывших владельцев предприятий в качестве управляющих. Правда, реально воспользоваться ею смогли только владельцы-аграрии, в прошлом собственники и арендаторы крупных и показательных хозяйств. В Омской губернии в 1920 г. примерно в 25–30 % бывших частных хозяйств, послуживших основой коллективных, прежние собственники занимали руководящие должности²⁷. Основной массе торгово-промышленников такого шанса не предоставлялось. По переписи промышленных заведений 1920 г. на Урале числилось 86 частных предприятий, с числом нанятых свыше 31 человека, в Западной Сибири – 11²⁸.

Нэп открыл широкие перспективы интеграции в советское общество. Однако для возобновления предпринимательской деятельности опытным коммерсантам пришлось выдержать мощнейшую конкуренцию с вчерашними мешочниками, которые поспешили также пустить свои капиталы в рост, особенно активизировавшись с начала 1922 г., когда государственные организации получили право продавать товары частникам. Но к появлению крупной буржуазии это не привело. Средний заработок основной массы мелких торговцев, владельцев недвижимости, кустарей, а в 96% случаев и владельцев предприятий, основанных на наемном труде, мало отличался от заработков рабочих и служащих. В 5 и более раз по доходам простых граждан опережали только крупные торговцы, владельцы зарегистрированных предприятий, комиссионеры, рантье и спекулянты. Те, кого называли «акулами», «дельцами», считались представителями крупного бизнеса только по меркам измельчавшего предпринимательства эпохи нэпа. Из общего количества нэпманов, которых в СССР было в 1924 г. около 3 млн чел., таких насчитывалось 84 тыс. чел.²⁹ По данным городской переписи 1923 г., этот слой на Урале оказался в самом зачаточном состоянии, в Сибири существенно более многочисленный, а Дальнем Востоке явно выделялся из общей картины (см. табл. 1).

²⁷ Кротт И. И. *Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы)*. Омск, 2010. С. 224–225.

Krott I. I., *Selskokhozyaystvennoe predprinimatelstvo: povedencheskiye strategii i praktika v usloviyakh transformatsii sibirskogo obshchestva (1914–1920 gody)*, Omsk, 2010, S. 224–225.

²⁸ «Последние из могикан»: красные купцы эпохи нэпа: мат. и док. об уральских коммерсантах 1921–1928 / сост. статья, предисл. и прим. Р.А. Хазиев. Уфа, 2003. С. 11.

«Poslednie iz mogikan»: *krasnye kuptsy epokhi nepa: materially i dokumenty ob uralskih kommersantakh 1921–1928*, ed. by R. A. Khaziev, Ufa, 2003, S. 11.

²⁹ У Эньюань. Нэпманы, их характеристика и роль // *Отечественная история*. 2001. № 5. С. 82–83.

U Enyuan, *Nepmany, ikh kharakteristika i rol*, Otechestvennaya istoria, 2001, № 5, S. 82–83.

Таблица 1.

Численность и состав некоторых групп предпринимателей среди горожан восточных регионов РСФСР в 1923 г.

Регион	Численность городского населения	Хозяева и арендаторы фабрик и заводов	Хозяева с наемными рабочими	Хозяева трактирного промысла	Рантье
Урал ³⁰	1 302 149	26	1590	40	8135
Сибирь	998 745	144	1100	135	11347
Дальний Восток	431 812	152	3540	270	6468

Источник: Итоги городской переписи 1923 г. // Тр. ЦСУ. Т. 20. Ч. 1. Вып. 1. С. 2, 5, 7, 16, 24; Вып. 2. С. 4, 5, 50, 54; Ч. 2. Вып. 1. С. 75, 77, 138, 140, 165, 167, 291, 293, 417, 419.

В Сибири формирование крупных дельцов относится к 1922 – первой половине 1923 г.³¹ Собственно, только их и можно отнести к буржуазии, т. е. есть лицам, извлекающим крупные доходы от предпринимательской деятельности. По общероссийским данным, среди таковых около четверти представляли дореволюционные торгово-промышленники. Но среди арендаторов бывших частных предприятий каждый третий являлся прежним его владельцем, а среди учредителей крупных оптовых фирм торгово-промышленники составляли половину, среди владельцев крупных розничных магазинов – 39%³². Особенность Сибири состояла в том, что здесь среди крупных нэпманов не более 15% составляли лица, возобновившие свои прошлые торгово-промышленные занятия³³. При этом бывшая буржуазия, оставшись в числе предпринимателей-нэпманов, совершила нисхождение по социальной лестнице относительно своего дореволюционного статуса и положения, хотя и осталась в рядах экономической элиты в структуре обнищавшего советского общества.

В целом состав советской буржуазии обновился на $\frac{3}{4}$. Причём важнейшим источником её пополнения стали торговые служащие. Общерос-

³⁰ Подсчёт велся по пяти регионам: Башкирская АССР, Вятская, Екатеринбургская, Пермская и Челябинская губ.

³¹ Обзор деятельности частного капитала на территории Сибирского края. 1 июня 1926 г. // ГАНУ. Ф. Р-725. Оп. 1. Д. 39. Л. 16об.

Obzor deyatelnosti chastnogo kapitala na territorii Sibirskogo kraya. 1 iyunya 1926 g., GANO, F. R-725, Op. 1, D. 39. L. 16ob.

³² Жиромская В. Б. Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 116.

Zhiromskaya V. B., *Sovetskiy gorod v 1921–1925 gg.: Problemy sotsialnoy struktury*, M., 1988, S. 116.

³³ Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул, 1998. С. 49.

Demchik V. B., *Chastnyi kapital v 1920-e gg.: ot vozrozhdeniya k likvidatsii*, Barnaul, 1998, S. 49.

сийские переписи указывают, что среди крупных торгово-промышленников их было 13,4 %, а в среде хозяев крупных розничных магазинов их доля возростала уже до 27 %. При этом составители специальной справки ОГПУ по Сибирскому краю называли приказчиков и агентов торговых предприятий в качестве второй по значению и весьма многочисленной группы нэпманов, отмечая, правда, что они скорее занимают нишу торговцев средней руки. Е. В. Демчик в выборке 500 анкет сибирских нэпманов насчитала их уже более 40 %, справедливо отметив, что только единичные сибирские коммерческие фирмы, работавшие под дореволюционной вывеской, были основаны прежними владельцами, большинство же – их приказчиками³⁴. Одним из основных источников, который пополнял сегмент владельцев мелких торговых предприятий в начале 1920-х гг., оставались бывшие безработные. Эти данные справедливы как для Урала³⁵, так и для Восточной Сибири³⁶. В условиях упадка промышленности и распада кооперативов, характерных для восточных регионов в начале 1920-х гг., до половины «рядовых» нэпманов рекрутировалось из числа деклассировавшихся представителей рабоче-крестьянской массы.

На Дальнем Востоке многочисленная новая нэпманская буржуазия не могла «народиться» за один год. Следовательно, здесь продолжали главенствовать торгово-промышленные круги с досоветским происхождением капиталов и предприятий. Об этом свидетельствует и численность частных владельцев заводов и фабрик, трактиров и гостиниц, увеселительных и спортивных сооружений, вполне сопоставимая со всей европейской частью России.

К 1922 г. затихла буря Гражданской войны, революционная перековка буржуазного класса находилась уже на завершающей стадии. Она имела характер социальной катастрофы, сопровождалась унижениями, потерей нажитой собственности, вынужденным бегством в другие регионы или за рубеж, многократной сменой занятий. Оставшиеся в Советской России либо устроились на советскую службу, либо перешли в состав мелких и средних предпринимателей, совершив болезненный переход на более низкие ступени социальной лестницы. Пресловутый «частник» эпохи нэпа – это далеко не настоящая буржуазия, а ненадолго приподнявшиеся на одну ступеньку вверх наиболее напористые выходцы из средних слоев города

³⁴ Демчик Е. В. Указ соч. С. 49, 57–58.

Demchik V. B., *Op. cit.*, S. 49, 57–58.

³⁵ Килин А. П. Частное торговое предпринимательство на Урале в 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. С. 19.

Kilin A. P., *Chastnoye torgovoe predprinimatelstvo na Urале v 1920-e gody*, avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Ekaterinburg, 1995. S. 19

³⁶ Карлова Т. М. Частное предпринимательство в промышленности и торгово-заготовительном секторе экономики Восточной Сибири в годы НЭПа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1999. С. 17.

Karlova T. M., *Chastnoye predprinimatelstvo v promyshlennosti i torgovo-zagotovitelnom sektore ekonomiki Vostochnoi Sibiri v gody NEPa*, avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Irkutsk, 1999, S. 17.

и общественных низов. Для этой группы годы Гражданской войны стали важным этапом формирования. Только на Дальнем Востоке нэп оказался по-настоящему тесно генетически связан с торгово-промышленным классом дореволюционной России.

Список литературы:

1. *Василенко Н. А.* История Российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток: Из-во Дальнаука, 2003. – 220 с.
2. *Демчик Е. В.* Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул: Из-во Алт. ун-та, 1998. – 240 с.
3. *Дробченко В. А.* Кузбасс в вихре революций: общественно-политическая жизнь края в марте 1917 – мае 1918 г. Томск: Из-во Томского ун-та, 2008. – 662 с.
4. *Епифанова Л. Е.* Представительство интересов: биржевые общества и комитеты // История предпринимательства в России. М.: РОССПЭН, 1999. Кн. 2: Вторая половине XIX – начало XX в. С. 265–342.
5. *Жирумская В. Б.* Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988. – 168 с.
6. *Жук А. В.* Золотой эшелон обороны // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург: Из-во УМЦ УПИ, 2004. Т. 1. С. 163–173.
7. *Кротт И. И.* Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск: Из-во Омского ун-та, 2010. – 336 с.
8. *Мосина И. Г.* Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск: Из-во Томского ун-та, 1978. – 170 с.
9. *Неклютин К. Н.* От Самары до Сиэттла. Воспоминания. Самара: ООО «Самарский дом печати», 2011. – 208 с.
10. *Рабинович Г. Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири в конце XIX – начале XX века. Томск: Из-во Томского ун-та, 1975. – 325 с.
11. *Рукосуев Е. Ю.* Екатеринбургское бюро Совета съездов горнопромышленников Урала в 1917–1919 годах // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2014. Вып. 4(27). С. 83–91.
12. *Семенченко И. В.* Земство на Южном Урале в 1917–1918 гг. Челябинск: Из-во ЦНТИ, 2005. – 196 с.
13. *У Эньюань.* Нэпманы, их характеристика и роль // Отечественная история. 2001. № 5. С. 78–87.
14. *Хазиев Р. А.* Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах: хаос, контроль и стихия рынка. М.: РОССПЭН, 2007 – 232 с.
15. *Шаццлло М. К.* Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917– начало 1920-х годов. М.: «Наука», 2008. – 342 с.

16. Шерман С. Внутренний рынок и торговый быт советской России. Подпольный рынок и преступная торговля от ноября 1918 по март 1921 г. // НЭП: взгляд со стороны / сост. В. В. Кудрявцев. М.: Московский рабочий, 1991. С. 133–173.

SOCIAL MOBILITY OF RUSSIAN BOURGEOISIE IN THE EAST OF RUSSIA IN 1918 – 1922

V.M. Rynkov

Institute of History Siberian Branch Russian Academy of Science,
Novosibirsk, Russia

The article deals with social mobility of Russian bourgeoisie in the east regions of Russia (the Urals, Siberia and the Far East) during the Civil war and at the beginning of NEP. Under anti bolshevik governments the big bourgeoisie tried to vindicate its priority right for business activity. During 1918–1922 the most significant direction of bourgeoisie's social mobility was its transition to position of public servants and stimulated emigration. A number of small businessmen increased due to public servants, workers and peasants, who lost their stable income and had to speculate. They also formed the basis of Soviet nepmans. In early 1920s the nepmans' influence on economy and their proportion in the sphere of pre-revolutionary merchants and manufacturers in the Far East was larger than in the Urals and Siberia.

Keywords: *bourgeoisie, classes, social mobility, October Revolution of 1917, the Civil war, the Urals, Siberia, the Far East*

Об авторе:

РЫНКОВ Вадим Маркович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор аграрной истории, Институт истории, Сибирское отделение, Российская академия наук, (630090 Новосибирск, ул. Николаева 8), e-mail: vadvet@list.ru

About the authors:

RYNKOV Vadim Markovich – The Candidate of History, senior researcher, The Institute of History, The Siberian Branch Russian Academy of Science, (630090, *Russia, Novosibirsk, Nikolaeva st. 8*), e-mail: vadvet@list.ru

References

- Demchik V. B., *Chastnyi kapital v 1920-e gg.: ot vozrozhdeniya k likvidatsii*, Barnaul, Iz-vo Altaiskogo universiteta, 1998.
- Drobchenko V. A., *Kuzbass v vikhre revolyutsiy: obshchestvenno-politicheskaya zhizn kraya v marte 1917 – maye 1918*, Tomsk, Iz-vo Tomskogo Universiteta, 2008.

- Enyuan U., *Nepmany, ikh harakteristika i rol*, Otechestvennaia istoria, 2001, № 5.
- Epifanova L. E., *Predstavitelstvo interesov: birzhevyye obshchestva i komitety, istoria predprinimatelstva v Rossii*, M., Iz-vo ROSSPEN, 1999, Kn. 2, Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.
- Grenevitskiy V. I. *Poslevoennye perspektivy russkoy promyshlennosti*, Kharkov, 1919.
- Khaziev R. A., *Tsentralizovannoe upravlenie ekonomikoi na Urale v 1917–1921 godah: khaos, control i stihia rynka*, M., Iz-vo ROSSPEN, 2007.
- Krott I. I., *Selskokhozyaystvennoye predprinimatelstvo: povedencheskie strategii i praktika v usloviyakh transformatsii sibirskogo obshchestva (1914–1920 gody)*, Omsk, Iz-vo Omskogo Universiteta, 2010.
- Mosina I. G., *Formirovanie burzhuazii v politicheskuyu silu*, Tomsk, Iz-vo Tomskogo Universiteta, 1978.
- Rabinovich G. Kh., *Krupnaya burzhuazia i monopolisticheskiy capital v ekonomike Sibiri v kontse XIX nachale XX veka*, Tomsk, Iz-vo Tomskogo Universiteta, 1975.
- Rukosuev E. U., *Ekaterinburgskoye buro Soveta syezdov gornopromyshlennikov Urala v 1917–1919 godah*, Vestnik Permskogo universiteta, 2014, Ser. Istoria, Vyp. 4 (27).
- Semenchenko I. V., *Zemstvo na Yuzhnom Urale v 1917–1918 gg.*, Cheliabinsk, Iz-vo TsNTI, 2005.
- Shatsillo M. K., *Rossiskaya burzhuazia v period Grazhdanskoy voyny i pervye gody emigratsii. 1917 – nachalo 1920-h godov*, M., Iz-vo Nauka, 2008.
- Sherman S., *Vnutrenniy rynek i torgoviy byt sovetskoy Rossii. Podpolnyi rynek i prestupnaya trgovlya ot noyabrya 1918 po 1921 g., NEP: vzglyad so storony*, sost. V. V. Kudryavtsev, M., Iz-vo Moskovskii Rabochii, 1991.
- Vasilenko N. A., *Istoria rossyiskoy emigratsii v osveshchenii sovremennoy kitayskoy istoriografii*, Vladivostok, Iz-vo Dalnauka, 2003.
- Zhiromskaia V. B., *Sovetskiy gorod v 1921–1925 gg.: Problemy sotsialnoy struktury*, M., Iz-vo Nauka, 1988.
- Zhuk F. D., *Zolotoy eshelon oborony, Ural industrialniy. Bakuninskiye chtenia*, Ekaterinburg, Iz-vo UNTs UPI, 2004, T. 1.

Статья поступила в редакцию 14. 05. 2015 г.